

Научная статья

УДК 94(47).06+316.472

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы)

Дмитрий Алексеевич Редин ¹
Сардаана Николаевна Копырина ²

^{1,2} Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

¹ volot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3431-1662>

² sandaleyk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6306-4333>

Аннотация

В статье, написанной в русле историографической проблемы социального дисциплинирования как знаковой практики формирования раннеמודерных обществ, исследуются дисциплинарные процессы, реализовавшиеся в первые десятилетия существования Екатеринбурга – крупного металлургического предприятия и центра экстерриториальной административной единицы ведомственного подчинения на востоке Российского государства. Отчасти развивая мысль В. М. Живова о возможности социальной дисциплинаризации без конфессионализации, авторы, между тем, не склонны считать такой вариант дисциплинаризации абсолютно лишенным духовных оснований, если понимать под духовностью не религиозность, а ту квазирелигиозную, морализаторскую модель построения «полицейского» государства, которую создавал Петр I. Социальная среда, возникшая вокруг промышленного производства в Екатеринбурге, объективно создавала благоприятные условия для проведения последовательного, тотального и жесткого дисциплинирования, результаты которого еще предстоит оценить.

Ключевые слова

социальное дисциплинирование, Новое время, Екатеринбург, В. И. Геннин, В. Н. Татищев

Благодарности

Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 24-18-00080, <https://rscf.ru/project/24-18-00080/>

Для цитирования

Редин Д. А., Копырина С. Н. Практики социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге и на заводах Екатеринбургского ведомства (1720–1750-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 127–143. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

The Practice of Social Discipline in Early Yekaterinburg and in the Factories of the Yekaterinburg Department (1720s – 1750s)

Dmitry A. Redin ¹, Sardaana N. Kopyrina ²

^{1,2} Ural Federal University

Yekaterinburg, Russian Federation

¹ volot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3431-1662>

² sandaleyk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6306-4333>

Abstract

The article, written in the context of the historiographic problem of social discipline as a significant practice in the formation of societies in the early modern period, examines the disciplinary processes implemented in the first decades of the existence of Yekaterinburg, a large metallurgical enterprise and the center of an extraterritorial administra-

© Редин Д. А., Копырина С. Н., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 1: История. С. 127–143

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 127–143

tive unit of departmental subordination in the east of the Russian state. Partially developing the idea of V. M. Zhivov on the possibility of social disciplinarization without confessionalization, the authors, however, are not inclined to consider this version of disciplinarization absolutely devoid of spiritual foundations if we understand spirituality not as religiosity but as a quasi-religious, moralizing model of building a “police” state created by Peter the Great. In Yekaterinburg, due to the fact that the life of its population was closely connected with ensuring a continuous production cycle, the problem of a high level of discipline was most acute, not only in the factory shops and during working hours but also beyond them. At the same time, these pragmatic considerations were reinforced by the moralizing attitudes of the city's founding fathers: V. I. Hennind and V. N. Tatishchev, who convinced supporters of the idea of building a “regular” state and rationally organized social relations. They, who personified secular power in Yekaterinburg and the Yekaterinburg department, were the true leaders of all processes, including disciplinary ones, having subordinated the church authorities in this regard. Yekaterinburg, thus, represented an almost ideal model for the embodiment of Peter the Great's “police pathos.” Although practically all disciplinary measures of the local administration met resistance from the population in one way or another, the social environment that developed around industrial production in Yekaterinburg objectively created favorable conditions for the introduction of consistent, total and strict discipline, the results of which have yet to be assessed.

Keywords

social disciplining (disciplinarization), New Time, Yekaterinburg, V. I. Hennind, V. N. Tatishchev

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation grant no. 24-18-00080, <https://rscf.ru/project/24-18-00080/>

For citation

Redin D. A., Kopyrina S. N. The Practice of Social Discipline in Early Yekaterinburg and in the Factories of the Yekaterinburg Department (1720s – 1750s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 1: History, pp. 127–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-1-127-143

Как известно, тема социального дисциплинирования (или социальной дисциплинаризации) в качестве историографической проблемы сформировалась в лоне западноевропейского, даже точнее – немецкого, историописания второй половины XX в. [Oestreich, 1969; Schulze, 1987; Bucholz, 1991; Winkelbauer, 1992; Weber, 1995]. Если говорить несколько упрощенно, то основной идеей исследователей этого направления стало постулирование исключительно важной роли церковной организации, в первую очередь реформатской (кальвинистской), в воздействии на всестороннее регулирование общественной жизни: от интеллектуальной сферы и частных отношений до публичных практик и экономической деятельности в протестантских государствах Европы XVI – начала XVIII в. *Sozialdisziplinierung* (букв. «социальная дисциплина») как комплекс мер по жесткому навязыванию обществу норм и предписаний, направленных на установление контроля над населением в целях упорядочивания социальных отношений, было тесно связано с процессом конфессионализации: распространением религиозных (теологических, литургических, сотериологических, в целом – морально-нравственных) установок на государственно-политические институты. Светские государи, поддержавшие Реформацию и, став главами «своих» церквей, избавившиеся от давления со стороны католической ортодоксии, получили более широкие возможности в реализации собственной власти над подданными, благодаря строгому религиозному послушанию, требуемому протестантским учением от своих последователей. Социальное дисциплинирование, таким образом, рассматривается изучающими его историками в прямой связи с Реформацией как определяющий фактор формирования государств модерного типа и яркий маркер перехода от Средневековья к Новому времени в Европе. Филипп Горски, автор, пожалуй, наиболее масштабного и концептуально последовательного труда на эту тему, предпочитает говорить даже о *дисциплинарной революции* в странах Северной Европы, в известной степени расценивая ее, а не так называемую «военную революцию» и / или экономические инновации, как определяющую силу процесса модернизации [Gorski, 2003]. Знакомство с работами по социальному дисциплинированию в Европе раннего Нового времени обращает внимание на тесную связь идеологии дисциплинирования с законодательными практиками установления «полицейских порядков» (см., например: [Weber, 1995, S. 420]): разнообразных нормативных актов, очень близких, между прочим, по своей сути к идее *Polizeistaat*, сформулированной во второй половине XVII в. ранними немецкими камералистами, понимавшими

под «полицейскими» комплекс регулируемых государством мер по организации рациональной общественной деятельности.

Изучение процессов и практик социального дисциплинирования на примерах протестантских государств Северной Европы стимулировало в дальнейшем дискуссии о том, насколько аналогичные явления были характерными и определяющими для других, не протестантских европейских стран того времени. И если первоначально речь шла о католических странах эпохи Контрреформации (например, южных германских княжествах или Франции) [Po-chia Hsia, 1989, p. 39–52; Brunet, 2007], то по крайней мере с 2010-х гг., с подключением к дискуссии отечественных специалистов, в историографии сформировался вопрос о наличии или отсутствии признаков социального дисциплинирования в ареале православного христианства, как в контактных зонах (на территории Польско-Литовского государства и Речи Посполитой XVI–XVII вв.), так и в России допетровского периода. Весьма резонансной в этом направлении стала статья В. М. Живова «Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия», опубликованная в 2012 г. [Живов, 2012]¹. В дальнейшем тема исследований процессов социального дисциплинирования в компаративном ключе с активным привлечением российского материала получила развитие в серии семинаров и круглых столов, организованных на базе Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Высшей школы экономики в 2021–2022 гг.²

Не вдаваясь глубоко в содержание дискуссий, отметим лишь то, что имеет отношение к нашему дальнейшему повествованию. Рассматривая социальное дисциплинирование в контексте православной культуры, исследователи отмечали либо его незавершенный характер (провал дисциплинарной революции в России в XVIII в., по мнению В. М. Живова), либо его отсутствие ввиду принципиально иных черт православной антропологии, отличавшей ее от католической и протестантской, по заключению М. В. Дмитриева. Если В. М. Живов видел в действиях и «ревнителей древнего благочестия», и официальной церкви (от патриарха Никона до патриарха Адриана) не только потенциал, но и практику социального дисциплинирования, качественно трансформированных Петром I, то М. В. Дмитриев доказывает, что и в допетровский период (в XVI–XVII вв.) дисциплинарные процессы в Русском государстве отвечали лишь критериям церковной дисциплины (*Kirchenzucht*), но никак не социальной. Наверное, с аргументацией М. В. Дмитриева следует согласиться. Но означает ли это, что в раннее Новое время социальное дисциплинирование в России было возможно только через церковь, с помощью церкви и в результате проникновения религиозных идей и практик в систему светского государственного (правового и неправового) воздействия на население? Иными словами, так ли уж фатально социальное дисциплинирование связано с конфессионализацией?

В этом отношении нам ближе позиция В. М. Живова. Рассуждая о крахе дисциплинарной революции в России XVIII в. (а М. В. Дмитриев вообще не распространяет свои наблюдения на перспективу XVIII в.), Виктор Маркович отмечал петровские реформы и изменения взаимоотношений церкви и государства лишь как начальный (хотя и принципиально значимый) момент на пути к этому краху. Но автор не отрицал наличия социального дисциплинирования как такового. По его мнению, царь, мечтавший с середины 1710-х гг. о построении «регулярного» государства, по определению не мог отказаться от дисциплинарных практик, поскольку «сама идея («регулярности»). – Д. Р., С. К.) требовала социального дисциплинирования, в том числе и в сфере религиозной». В силу этого «политика религиозного дисциплинирования *апроприируется*³ государством» и проводится им на протяжении всего столетия, лишь в конце периода заканчиваясь полным провалом [Живов, 2012]. Справедливо ли говорить о провале дисциплинарной революции в России к концу XVIII в. – вопрос, на наш

¹ Полемику с положениями автора см.: [Дмитриев, 2022].

² Дискуссии 22.10.2021, 10.12.2021 и 02.03.2022. URL: <https://medieval.hse.ru/discussMA> (дата обращения 08.09.2024, 19.09.2024).

³ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Д. Р., С. К.

взгляд, открытый и требующий дополнительных эмпирических знаний и интеллектуальных рефлексий⁴. Но в этих рассуждениях важно признание того, что сама дисциплинарная практика как инструмент формирования современного государства и общества оказывается присуща России не меньше, чем другим европейским странам, хотя, как кажется, питается иными идейными истоками (мы не случайно упомянули выше учение камерализма, воспринятое Петром I и его преемниками (подробнее об этом см.: [Редин, 2021a]). Была ли она напрочь лишена духовной составляющей? Стала ли она абсолютно секулярной? Думается, на эти вопросы вполне удовлетворительно ответил в свое время Ю. М. Лотман, констатировавший создание Петром «светской религии государственности»: «Государственно-религиозная модель не исчезла, а подверглась интересным трансформациям <...> Практическая деятельность из области “низкого” была поднята на самый верх ценностной иерархии» [Лотман, 2000, с. 39–40]⁵. Служение «общему благу», тождественное, по представлениям эпохи, служению государству, требовало едва ли не религиозного самоотвержения, а спасение души становилось одной из необходимых *добродетелей* в этом служении⁶. Вызывало ли «светское» социальное дисциплинирование отторжение, чувство протеста, стремление уклониться от навязываемых норм и предписаний? Несомненно, но такая реакция была присуща не только российским подданным (см., например: [Weber, 1995, S. 421–437]). Пожалуй, единственное, хотя в итоге определяющее, кроется в вопросе о результатах социального дисциплинирования: насколько усилия элитных групп в этом направлении приводили к усвоению дисциплинарных норм, к формированию самодисциплины общин и индивидов? Отечественная история как будто дает на это неутешительный ответ, и именно на этом обстоятельстве делал акцент В. М. Живов, утверждая провал дисциплинарной революции в России: ослабив дисциплинарную хватку в конце XVIII столетия, власть, не добившись воспитания сознательных подданных и консолидированного общества, получила вместо этого разобщенные социальные группы и культурно фрагментированное общество [Живов, 2012]. Было ли это следствием провала практики дисциплинирования или произошло в результате более глубоких и разнообразных, часто разновекторных процессов, характерных для огромного и *постоянно расширявшегося гетерогенного государства*, – тоже проблема особая, требующая невероятных по времени и трудозатратам исследовательских усилий. Среди них и накопление нового эмпирического *регионального* материала (ибо исторические процессы в России нельзя понять *вообще*, в некотором «усредненном» формате), и интерпретация его в рамках дисциплинарного дискурса. Наше исследование выполнено в этом русле. Материалом для него послужили источники, характеризующие ситуацию в Екатеринбурге и Екатеринбургском ведомстве 1720–1750-х гг.

Ранний Екатеринбург – идеальный объект для тех, кто хотел бы ознакомиться с дисциплинарными практиками в их «петровском изводе». Само по себе крупное многопрофильное металлургическое предприятие с его технологиями и непрерывным производственным циклом требовало высокого уровня рабочей дисциплины как с точки зрения производительности, так и с точки зрения минимизации травматизма и материальных издержек. Но мануфактурное производство являло собой нечто большее, чем технико-технологический феномен.

---

⁴ В. М. Живов снова сводит проблему к сотериологическому аспекту. Признавая, что причины провала русской дисциплинарной революции не могут быть объяснены каким-либо одним фактором, ученый, тем не менее, делает акцент именно на идее спасения души как основе «индивидуальной религиозной чувствительности» и самодисциплины; государство, ставшее главным проводником процесса, ставило дисциплину как таковую выше религиозных ценностей. Избрав своим инструментом исключительно принуждение, светская власть и в известной степени и подчиненная ей церковная иерархия не сумели добиться от населения «интериоризации духовных ценностей». Такой вывод представляется нам излишне категоричным.

⁵ Ср.: «“Полицейское государство” есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность... Не только политическая, но и *религиозная* установка» [Флоровский, 2000, с. 351].

⁶ Изменник «интересам государственным и всего народа» не только преступник светских законов, но и «душегубитель»: не эта ли идея наиболее массово и очевидно ощущается в текстах и самой практике петровских присяг, приносимых подданными на Евангелии при вступлении в любую службу?

Оно становилось моделью рационально устроенного общественного организма, а руководство его функционированием служило школой управления иного, отличного от аграрного, общества, формировало особые компетенции. «Искусство распределения индивидов в пространстве... контроль над деятельностью (распределение времени, функционализация и машинизация телесности индивида), организация генезисов (переподготовки, предшествующего развития), сложение сил (на основе разделения труда, узкой специализации и стандартизации базовых навыков и операций), нормализующие наказания... тотализация проверок и инспекций» [Литошенко, 2012, с. 291], – всё это оказывалось немислимым вне организованной системы дисциплинарного принуждения, выходящего за рамки заводского цеха и рабочего времени.

Специфика раннего Екатеринбурга определялась тем, что вся власть в нем сосредоточивалась в руках отраслевой горнозаводской администрации. Высшим органом регионального управления в 1723–1734 гг. был Сибирский обер-бергamt, переименованный в дальнейшем в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов (или, как часто его называли в делопроизводстве для краткости, Канцелярию главного заводов правления). Именно он и возглавлявшие его «командиры» являлись источником абсолютно всех нормативных и исполнительных инициатив как в Екатеринбурге, так и в подчиненных ему казенных заводах, на рудниках, пристанях, в существовавших при них поселениях и крестьянских деревнях, жители которых были приписаны к горнометаллургическим предприятиям для исполнения вспомогательных работ.

Меры, которые можно охарактеризовать как дисциплинирующие, буквально пронизывали все важнейшие стороны жизни екатеринбургских жителей, охватывая те же сферы организации быта и поведения, что и в других европейских странах того времени. Остановимся лишь на некоторых из них. Резонно начать с того, что всесторонней регламентации подлежала жилищная застройка [Редин, 2021б; Екатеринбург в 1733 году..., 2023]. Дом и подворье, по определению частное пространство, в Екатеринбурге контролировалось жесткими предписаниями: унификацией самих построек (жилых и хозяйственных), размерами прилегающего двора и огорода, внутренней планировкой. Едва ли не первым в ряду нормативов, касавшихся жилой застройки в новопостроенном заводе, стал наказ, данный В. Н. Татищевым заводскому комиссару Федору Неклюдову от 15 октября 1723 г. Дома следовало строить по чертежам, присланным от Горного начальства, не далее чем в 120 саженьях от завода, «для того, что, когда на работу бьют, в дальних домех не слышет, да и ходьба мастеровым и работникам далекая большего времени требует». Застройщики не должны были отступать ни от установленных габаритов жилья, ни от их расположения в уличных порядках: «Ежели где усмотрите, что строит дом свой не по чертежу, – назидал Татищев, – а особливо выше другаго, захватит или уступит [от] улицы, оному велеть немедленно перестроить». Запрещалось также самовольно организовывать интерьеры жилища (Татищев, 1990, с. 73). До наших дней сохранился более поздний чертеж типового подворья, разработанный лично В. И. Генниным. Эти предписания касались не только казенных жилищ (а именно в них на первых порах размещались все категории местного населения), но и частной застройки, которая довольно скоро стала преобладать. Уже 27 января 1725 г. своим указом В. И. Геннин требовал от подчиненных «накрепко смотреть с прилежным радением в строении заводских и в собственных домовых строениях, чтоб отнюдь никто не дерзал дворов строить без ведома и чертежа, никто бы не прибавлял и не убавлял, тако ж внутри строения никто самовольно без показания не строил же»⁷. Размеры подворий и их благоустройство зависели от служебного статуса обитателей. Базовым вариантом можно считать дворы рядовых жителей – мастеровых и солдат. Дом представлял собой деревянный сруб с сенями и двумя комнатами («горницей» и «малой горницей»); на хозяйственном дворе располагался погреб с напосребницей-кладовой и сарай для скота⁸. Так называемые «командирские» дома для горных офицеров и упра-

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Д. 354. Л. 294–297.

⁸ Там же. Д. 354. Л. 295 об. – 296.

вителей были просторнее (в частности, число жилых комнат-горниц могло доходить до четырех)⁹, надворные постройки включали черную избу, баню, конюшню, погреб и амбар, а отведенные приусадебные участки отличались большими размерами. Но в целом и им был присущ исходный минимализм. При этом надо заметить, что подобные требования не распространялись на усадьбы главных командиров Сибирских и Казанских заводов в Екатеринбурге. Даже крайне неприхотливый в быту В. И. Геннин проживал в двухэтажной резиденции с обширным садом и конюшнями. Впрочем, жилище главного командира, несомненно, несло репрезентативные функции и, в известной степени, может быть отнесено к административной и общественно значимой застройке, располагаясь напротив здания Сибирского обер-бергамта в парадной западной части города. Официальный статус усадебного комплекса подчеркивался еще и тем, что в его ограде находилась гауптвахта.

Строгий надзор за единообразием внешнего облика и локализации жилых дворов, поддержанием их в чистоте, запреты на «самострой» и захламление бытовым мусором второстепенных улиц-линий и переулков между усадьбами, конечно, во многом диктовались заботами прагматического характера – например, поддержанием высокого уровня противопожарной безопасности. Но, знакомясь с разнообразными нормативными и распорядительными документами региональных властей, трудно избавиться от ощущения, что не только этим. Тесным образом утилитарные мотивы и требования противопожарного, санитарного или общественного порядка, в общем-то разумные и могущие вызывать понимание жителей, переплетались с предписаниями морализаторского свойства, устремленными к воспитанию в екатеринбургских обывателях нормативно предписанных стандартов поведения в быту.

Например, подозрения начальства вызывало неконтролируемое нахождение мастеровых и работных людей вне производства; руководители горной администрации переживали вечные опасения от того, что подобное «шатание» непременно будет использовано обывателями во зло. В известном наказе комиссару Уктусского завода Тимофею Бурцову от 27 февраля 1721 г. В. Н. Татищев, убежденный в том, что «здесьней народ безмерным леностям подвержен», вследствие чего «не токмо определенными неделми (воскресными днями. – Д. Р., С. К.) и господскими праздниками довольствуются, но еще от обычая и лености *празнования умыслили*», приказывал не отпускать никого с заводских работ в неуставленные (невоскресные и непраздничные) дни, обещая исхлопотать в Берг-коллегии «особливый указ» о регламентации поведения и в выходные («о гулящих днях и часах») (Татищев, 1990, с. 62)¹⁰. Прибывший на Урал в следующем году В. И. Геннин, вероятно, относил к подобным «празнованиям» и некоторые хозяйственные обычаи, уходившие корнями в глубокое аграрное прошлое, но неизбежно вступающие в противоречие с его представлениями о производственной дисциплине и нравственности. Например, нескрываемое раздражение В. И. Геннина вызывал обычай так называемых «помочей» – традиции коллективной помощи соседям, обычно в строительстве дома, но также и при осуществлении некоторых других работ [Громыко, 1991, с. 73–85]. Поскольку такой совместный труд неизменно сопровождался угощением «помочан», генерал не видел в нем ничего, кроме повода для бесчинств: «...созывая соседей на работу, – досадовал Вилим Иванович, – а оное ни для чего иного, токмо что для пьянства, понеже надобно ему наварить пива, убить скотину – и в том токмо более пропьют и прогуляют, переезжая из дома в дом»¹¹.

Вполне логичным продолжением практики ограничения «праздных шатаний» обывателей выглядел указ Сибирского обер-бергамта от 17 октября 1726 г., фактически вводивший для них комендантский час. В соответствии с ним екатеринбуржцам запрещалось покидать свои дома «по пробитии вечерней зари». Власти были уверены, что вечерние вылазки за пределы

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.

¹⁰ Подробное расписание рабочего времени, выходных и праздничных дней можно обнаружить уже в наказе В. Н. Татищева екатеринбургскому заводскому комиссару Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г. (Татищев, 1990, с. 81).

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 588–589.

дома совершаются только ради пьянства «в компании собравшихся». Нарушителей следовало «брать под караул и по изобретении вины (т. е. по установлении степени вины. – Д. Р., С. К.), смотря по персоне штрафовать, дабы стыдное житие пресечь и превратить в благое, ибо от пьянства рождается в мастерствах худоба». Вскоре указ был продублирован (11 января 1727 г.) и разослан по всем подчиненным заводским конторам¹². Полагаем, что в этом же ряду следует расценивать и более ранний, уже упоминавшийся указ В. И. Геннина от 27 января 1725 г., одна из норм которого запрещала строительство жилья за пределами крепостной стены, «понеже в таких местах бывают всегда курвяжные дома и шинки»¹³. Дисциплинарный мотив этого указа вполне очевиден, но равно очевидно и то, что он едва ли оказался эффективен: в силу естественных экономических и демографических причин завод-крепость очень быстро начал обрывать слободами.

Тщательно регулировались вопросы противодействия пожарам. Профилактика возгораний и пожаротушение – тема, актуальная для всех русских городов с их преимущественно деревянной застройкой, – в Екатеринбурге приобретала особое значение. Поселение находилось в плотном окружении лесов, а промышленное производство само по себе являлось постоянным источником повышенной пожароопасности. Поэтому неудивительно обилие нормативных документов, издававшихся горнозаводскими властями по этому поводу. Они стали появляться с первых дней основания Екатеринбурга, унифицируя противопожарный надзор на имеющихся заводах и лесных «дачах». В уже цитированном наказе В. Н. Татищева Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г. руководство тушением пожаров и в целом поддержание противопожарной безопасности, в том числе в заводских поселениях, возлагались на лесного надсмотрщика (надзирателя). Он отвечал за то, чтобы при всех хозяйственных и жилых постройках имелись средства пожаротушения. Он должен был распределять жителей на десятки и инструктировать, какой инструмент кому из них следовало нести на пожар. В его ведении находились система оповещения о пожарах и меры их профилактики, согласно которым устанавливались режим топки печей в летнее время, приготовления пищи, курения, содержания в чистоте дворов и улиц, сверка людей, участвовавших в тушении пожара, наказание «трехдневную работою безденежно» тех, кто от этой обязанности уклонялся, и т. п. (Татищев, 1990, с. 85–87). В дальнейшем, во второй половине 1720-х гг. и позже, при В. И. Геннине, требования к екатеринбуржцам в этой сфере лишь усиливались. Так, например, с 1729 г. на все обывательские дома в Екатеринбурге и в заводских поселках ведомства следовало прикрепить «железные дощечки» с обозначением на них наименований инвентаря, с которым жители данного дома должны прибыть на пожар. Ужесточалось наказание тех, кто по каким-то причинам не принимал участие в тушении пожаров: вместо трехдневной бесплатной работы виновные подлежали штрафам или телесным наказаниям¹⁴.

И в нормативах о противопожарных мерах, и в регламентации облика и содержания домов, и в правилах, определявших время пребывания жителей Екатеринбурга вне работ / службы и вне жилищ, приведенных нами выше, заметно стремление властей поставить под контроль всякие отклонения от неких единых правил со стороны обывателей. Наказанию подлежали шумное поведение (крики), громкое пение, сквернословие не только в кабаках, но и на улицах. Особенно следовало пресекать подобные поступки и просто «шатание по улицам» в воскресные и праздничные дни во время церковной службы; тем более каралось пребывание в это время в корчмах, «хотя б [кто] и тихо сидел» (Татищев, 1990, с. 90–91).

Но, конечно, самые недюжинные усилия горные командиры прилагали к борьбе с употреблением алкоголя во всех его проявлениях. И в этой истории тоже отчетливо проявляются тесно взаимосвязанные, но исходно различные мотивы социального дисциплинирования – и вполне утилитарные («ничто так ремесла не вредит, как пьянство»¹⁵), и морализаторские:

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 109–110.

¹³ Там же. Д. 52. Л. 169.

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 29–53, 155–161; Д. 1094. Л. 294–299, 420–435, 470–496; Д. 1138. Л. 421–418.

¹⁵ Из наказа В. Н. Татищева Ф. Неклюдову (Татищев, 1990, с. 82).

«...понеже всем известно, что непрестанное и без меры пьянство какую мерзость и пакость человеку приносит, и в какие болезни и смерти, и в помрачение ума, и в убожество приводит, и не токмо доброго жития лишаются, но и детей свои губят...»¹⁶. Но не то что искоренить, даже обуздать пьянство на заводах было делом практически невозможным. Мастеровые, солдаты и приказные, от 10 до 14 часов в сутки (в зависимости от времени года) проводившие на работе или на службе, имея один выходной день в неделю и очень ограниченные формы досуга, охотно коротали его за распитием спиртного, что зачастую заканчивалось скандалами и драками. Проблема усугублялась тем, что продажа спиртных напитков, как известно, составляла одну из важных статей государственного дохода и, соответственно, поощрялась короной. Но потребление алкоголя напрямую вредило промышленному производству и сводило на нет все усилия горных командиров по поддержанию производственной и общей дисциплины. На решение этой дилеммы и Геннин, и Татищев не жалели сил. Наиболее радикально покончить с винной продажей попытался В. И. Геннин, почти добившись успеха в 1731 г. В сенатский указ о продлении его полномочий в качестве главного командира Сибирских заводов от 14 июня был внесен пункт о кабаках на казенных заводах: «...где оным надлежит быть и не быть, учинить ему, генерал-лейтенанту и кавалеру, *по своему рассмотрению*»¹⁷. Окрыленный успехом, генерал поспешил воспользоваться своим правом и 24 декабря того же года распорядился как в Екатеринбурге, так и на всех предприятиях ведомства «кабаки снести и нигде им от заводов ближе 20, а от рудников 5 или 10 верст не быть». Казенную винную продажу он разрешил для лучших мастеров, подмастерьев и приказных ради семейных торжественных случаев: родин, крестин и свадеб, причем только с ведома управителей и в количестве не более четверти ведра. Обнаруженные излишки следовало отбирать, а виновных наказывать батогами. Разослав приказ по заводам, Геннин обязал поручика Карла Бранта, командира Екатеринбургских рот, по сути исполнявшего тогда функции начальника полиции, во время ночного патрулирования «прислушивать, в какой квартире есть пьянство, крик и драки, и таких людей, кто б какого звания... ни был, не взирая ни на кого, таких брать и приводить на гаубтвахту под караул»¹⁸. Впрочем, действия Виллима Ивановича оспаривались местными гражданскими властями, ответственными за казенную винную продажу. Намерения генерала вызывали опасение падения доходов от реализации винной монополии в губернии, и уже 17 сентября губернская тобольская канцелярия предостерегала, чтобы он не торопился сносить кабаки, поскольку по указу из Сибирского приказа, которому подчинялась губернская администрация, для окончательного решения вопроса следовало ждать общего сенатского определения. Несомненно, в данном случае в ход пошла «подковерная» борьба между ведомствами. Отправив 5 января нового, 1732 г. в Москву и Санкт-Петербург своего нарочного поручика А. Лазарева с отчетами о состоянии заводских дел, В. И. Геннин, между прочим, вновь подал прошение о подтверждении права закрывать кабаки в заводских поселках¹⁹. Лишь 27 ноября 1732 г. Сенат принял по этому поводу соломоново решение: похвалив генерала за добрые намерения, кабаки ему велели оставить в покое. Но, учитывая специфику жизни при заводах, ограничили винную продажу. «Вино, вотку, пива и меды казенные» можно было продавать в торжественные и воскресные дни, исключительно после дневной литургии и только малыми порциями – чарками и кружками (правда, количество таких отпусков не оговаривалось). Ведерную и полуведерную продажу для особых случаев можно было осуществлять по письменным разрешениям (билетам) от «заводского правления». Уличенных в пьянстве в рабочие дни следовало подвергать

¹⁶ Высказывание принадлежит А. Ф. Томилову, главе Сибирского обер-бергамта с 1729 г., в будущем – президенту Берг-коллегии, одному из наиболее последовательных борцов с пьянством в Екатеринбургском ведомстве (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 61 об.).

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 375. Л. 53.

¹⁸ Там же. Д. 331. Л. 616–619, 657–658; Д. 1068. Л. 497.

¹⁹ Там же. Д. 375. Л. 63, 66.

штрафам и телесным наказаниям²⁰. В общем, Сенат вернул состояние дел на исходные позиции, а Сибирскому обер-бергамту и подчиненным ему конторам оставалось, как и ранее, лишь «смотрение иметь, как пить будут люди»²¹.

Горные власти проиграли войну с казенной винной продажей, но не она как таковая оказывалась главным злом. Гораздо большую проблему представляли «неуказный» отпуск спиртного казенными целовальниками (в неположенные дни и время суток), домашнее винокурение и особенно корчемство. Указы В. И. Геннина 1726 и 1727 гг., запрещавшие вечернее нахождение екатеринбуржцев и жителей других поселков при казенных заводах вне их домов, мотивировались прежде всего стремлением пресечь такое нелегальное пьянство. Именно оно процветало всегда, даже в тот короткий период, когда официальная продажа алкоголя была приостановлена, и это приводило в ужас генерала-резвонника, так описавшего ситуацию в одном из своих указов 1732 г.: «...мастеровые люди и приказные служители... в безмерном пьянстве обращались и так в городе было страшно, что от происходимого крику, и песен, и драк странно было и слушать, что чинитца более от шинков», «ибо кабаков хотя и нет, а все пьяны не от чего иного, что от корчемного вина...»²². Никаких иных средств, кроме принуждения, в арсенале отраслевого руководства не было ни в 1730-е, ни в 1740-е, ни в 1750-е годы. Архивные дела полны «запретительных» указов подобной направленности: «накрепко в народ публиковать, дабы здесь шинки и блятские дома отнюдь пресечены и искоренены были» (определение Сибирского обер-бергамта, 18 сентября 1731 г.); «дабы жены их (офицеров. – Д. Р., С. К.) никаких шинков и корчемства не токмо в квартирах своих мужей, но и в посторонних ни под каким видом не имели и для продажи винной и корчемства никому во услугу не вступали» (указ Военной коллегии, распространенный на территорию Екатеринбургского ведомства, 31 мая 1737 г.); «кому вино курить не дозволено, [а] про себя вино курить станут и в том по следствию уличены будут, за то годным в военную службу чинить наказание – бить плетми и писать в солдаты без зачету в рекруты» (из указа Канцелярии главного заводов правления 1754 г.) и т. п.²³ Непосредственное исполнение всех этих распоряжений в Екатеринбурге возлагалось на командиров местной драгунской команды, осуществлявшей патрулирование, а с появлением в 1734 г. должности полицмейстера – на местную полицию. Инструкция первому полицмейстеру поручику С. Г. Сикорскому, содержащая в том числе обязанность «смотрения» за незаконной виноторговлей и наказаниями виновных в изготовлении, реализации и употреблении спиртного²⁴, стала нормативным актом, на основании которого полиция действовала и в последующие годы.

Борьба с пьянством – по сути, за нравственный облик екатеринбуржцев (если рассматривать ее с точки зрения социального дисциплинирования) – смыкалась с попытками властей контролировать сексуальное поведение жителей. Речь идет о наказаниях за то, что на казенном языке того времени именовалось «блудным делом» («блудом», «блудным воровством»). Под эту категорию подпадал широкий спектр преступлений против нравственности. Наиболее часто встречающиеся в источниках включали: незаконное сожительство, прелюбодеяние, двоеженство / двоемужие²⁵, содержание притонов («курвяжных», или «блядских», домов) и сводничество, принуждение управителями жен подчиненных к «блудному делу» и словесные оскорбления сексуального характера (напоминающие «урекание бляднею» русского средневекового права (Княжеские уставы, 1984, с. 149, 158)).

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1068. Л. 497.

²¹ Там же.

²² Там же. Д. 372. Л. 221 об.

²³ Там же. Д. 1112. Л. 89–94, 192–197; Д. 1397. Л. 807; Д. 1418. Л. 385–390; Д. 1422. Л. 425–430; Д. 1425. Л. 387–403, 458–467.

²⁴ Там же. Д. 499. Л. 55–60.

²⁵ Редкий случай двоемужия известен нам из разбирательства в КГЗП в 1754 г. Жена, оставшаяся с ребенком при живом муже, взятом в рекруты, снова вышла замуж. Ее первый муж, узнав об этом, подал прошение в Канцелярию о рассмотрении дела, но разбирательство не состоялось, потому что обвиняемые бежали (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 33–37, 96–103).

Судебно-следственные дела по преступлениям против нравственности документально фиксируются с первых лет существования Екатеринбурга. Примечательно, что в каждом случае они подлежали рассмотрению светского суда, в роли которого выступал Сибирский обер-бергamt / Канцелярия главного заводов правления (КГЗП). Этот же орган издавал нормативные документы, регулировавшие сексуальное поведение горнозаводских жителей, отдавал распоряжения о наказаниях виновных. Правда, в некоторых случаях (прелюбодеяние, двоеженство²⁶) дело параллельно рассматривалось и в рамках канонического права²⁷; порой уличенные светскими властями в сожительстве отправлялись «для тонкости исследования и увещания» к екатеринбургскому протоиерею²⁸.

Неисследованным остается вопрос: существовала ли в Екатеринбурге проституция как масштабное социальное и коммерческое явление? Были ли в городе места, хоть отдаленно напоминавшие известное «заведение» Дрезденши в Санкт-Петербурге [Ролдугина, 2016]? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, да и анализ самой проблемы показывают, что, скорее всего, таковых не существовало, поскольку для их появления в Екатеринбурге, пожалуй, еще не было объективных условий²⁹. Тем не менее, указы местных властей 1720-х – 1740-х гг. в первую очередь оказывались направленными на искоренение «курвяжных» и «блядских» домов и «вылавливание курв»³⁰. Но, поскольку «блядские дома» в этих указах неизменно находятся в прямой связи с «шинками», нетрудно догадаться, что речь шла об искоренении питейных притонов, обстановка в которых, естественно, располагала и к сексуальному разврату или непотребству, «простонародному блуду», которое трудно отнести к проституции, даже если в каких-то случаях имела место материальная подоплека³¹. Надо заметить, что в промышленном Екатеринбурге нравы были заметно свободнее, чем в традиционной сельской среде или даже в старых провинциальных городах европейской части России. Источники свидетельствуют, что женщины были такими же участницами застолий (и в шинках, и в семейном праздничном кругу во время приема гостей), как и мужчины.

Пожалуй, наиболее полно объект контроля и способы борьбы с непотребствами описаны в определении Канцелярии главного заводов правления от 8 мая 1735 г. «Об искоренении на заводах подозрительных блядских домов и блядей». В нем содержалось поручение екатеринбургской полиции «для конечного оных мерзостей пресечения» брать под арест «девок и вдов», «кто в таковых блядских приводах явятся» и, в качестве смирения, насильно выдавать замуж за холостых и вдовых ссыльных. Уличенных в прелюбодеянии надлежало наказывать «как указы повелевают» и вычитать месячный заработок в пользу богадельни (не получавшие жалованья должны были бесплатно отработать на заводе месяц). Определение предусматривало ответственность родителей за поведение дочерей, поскольку члены Канцелярии были уверены, «что такие в девках продерзости наиболее происходят от нерадения, а может быть и с позволения родителей». За «нерадение» родителям полагалось «жестокое наказание» – вероятно, традиционные плети и батоги или штрафы (если речь шла о лицах,

²⁶ Каноническое право в качестве особого преступления знало не одновременное, а последовательное двоеженство: даже второй брак после вдовства предполагал епитимью (Василий Великий. Пр. 4, 12). Одновременное двоеженство может рассматриваться классифицирующим признаком прелюбодеяния – второй брак в этом случае браком не признавался. В рамках канонического права прелюбодеяние назначалось 15 лет отлучения от причастия (Василий Великий. Пр. 4, 12). Все известные нам случаи двоеженства в Екатеринбурге карались именно как прелюбодеяние; светским приговором виновные наказывались кнутом (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1420. Л. 142 – 142 об.; Д. 1414. Л. 1–54).

²⁷ На основании синодального указа от 4 сентября 1722 г. (ПСЗ-I, 1830, т. 6, № 4081, с. 764–767).

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1399. Л. 313–318.

²⁹ Об организованной проституции и социальной среде, стимулирующей возникновение этого явления в России XVII–XVIII вв., кроме упомянутой статьи И. Ролдугиной, см., например: [Бошкова, 2014; Мартыненко, 2009].

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 169; Д. 560. Л. 202–203; Д. 1030. Л. 1–5.

³¹ «Непотребство – не проституция, и с формализацией российского законодательства в XIX в. юристы четко разводили два понятия. Да и Устав благочиния уже в 1782 г. определял проститутку как тех, “кто непотребством имеет ремесло” (ст. 263), а не как самих по себе “непотребных женщин”» [Ролдугина, 2016, с. 44].

освобожденных от телесных наказаний), а за «позволение», т. е. поощрение к блуду и сводничеству, – год каторжных работ³². Указ распространял свое действие на все казенные заводы Екатеринбургского ведомства, управителям которых следовало зорко следить, «кто с кем живет блудно», вылавливать «курв» и присылать их в Екатеринбург. Помимо наказаний, предусмотренных в цитированном указе, всех, уличенных в преступлениях сексуального характера, как правило, подвергали телесным наказаниям разной степени тяжести (кроме иностранцев-контрактеров, офицеров, управителей и мастеров), а женщин-прелюбодеек могли подвергнуть еще и позорящему наказанию: публичному изгнанию из города метлами³³.

Горнозаводские власти следили и за внешним обликом подведомственного населения. Речь шла о соблюдении инициированных Петром I норм об обязательном ношении «немецкого платья» и бритье бород. В целом о непростой истории с внедрением этого новшества в России, об региональных особенностях реализации его на практике, об изменениях взглядов самого царя на этот вопрос можно найти исчерпывающую информацию в новейшей и очень обстоятельной монографии Е. В. Акельева [2022]. Соблюдение указов о брадобритии и ношении одежды иностранного покроя (а они подтверждались и после смерти царя-реформатора) в Екатеринбурге и в подведомственных ему поселках имело свои особенности. Они выявляются при сопоставлении письменных и изобразительных источников того времени, хотя реконструируются пока не полностью. На иллюстрациях в известном сочинении В. И. Геннина – «Абрисах» – можно заметить, что все мастеровые и работные люди в цехах Екатеринбургского завода выглядят в соответствии с правительственными узаконениями. Они выбриты и одеты в короткие кафтаны или даже куртки и в штаны-кюлоты с чулками и башмаками; головы их покрыты шляпами с круглыми полями или колпаками. Насколько изображения соответствовали действительности, а насколько отражали представления генерала о том, как *должны* выглядеть его подчиненные? Повседневное ношение «немецкой» одежды в условиях уральского климата было едва ли возможным. Это понимал и сам Петр. Еще в 1706 г., в ответ на просьбу первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, царь разрешил «всяких чинов жителям сибирских городов» носить «платье, також и седла, и прочее подобное тому, как хто что похочет». Такое великодушие было проявлено монархом в ответ на резонные челобитья сибиряков о том, что «им в немецком де платье от великих стуж ходить никоими меры невозможно и за нуждою сделать нечем» (цит. по: [Акельев, 2022, с. 399–400]). Урал, и административно, и в представлениях современников относившийся тогда к Сибири, несомненно, подпадал под действие этого указа, а уральская погода мало чем отличалась от сибирской. В силу этого обитатели уральских заводских поселков вполне могли рассчитывать на послабления, прописанные в указе 1706 г., – ведь его никто не отменял. С другой стороны, в 1722 г. (6 апреля) Петр написал новый именной указ, в котором «накрепко» подтверждал необходимость брить бороды «всем чинам мирским *без выемки*, кроме крестьян подлинных пашенных, а не промышленных». В прямой связи с наличием или отсутствием бороды оказывались и правила ношения соответствующей одежды. «Убежденные» бородачи, упорно не желавшие бриться, не только были обязаны платить бородовую пошлину (50 руб. в год), но и одеваться исключительно в традиционную одежду: «зипун с стоячим клееным козырем, фезези и однорядку с лежачим ожерельем». За появление с бородой, но не в предписанной – по сути стигматизирующей – одежде с виновных следовало взыскивать единовременный штраф в 50 руб. и отказывать в приеме челобитных [Там же, с. 406–407]. Таким образом, ориентируясь на эти и последующие указы и имея в виду климатические особенности региона, горнозаводское руководство должно было найти какой-то компромиссный выход. Похоже, он нашелся в том, что ношение «немецкого» платья стало обязательным во время работы или службы, в то время как в частном обиходе не преследо-

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 560. Л. 202–203. При этом известен случай, когда штрафу (вычету месячного жалования) был подвергнут муж женщины, уличенной в «блудном воровстве» с холостым любовником, «за невоздержание оной жены от прелюбодейания» (Там же. Д. 678. Л. 1152–1153).

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 678. Л. 1152–1153; Д. 1420. Л. 142 – 142 об.

валось использование традиционной одежды. Нам известны случаи, когда даже высокопоставленные горные офицеры, такие, например, как начальник монетного двора гиттенфервальтер А. М. Хрущев, ходили вне службы в национальной одежде³⁴. Некоторую информацию о практике ношения «немецкого» платья и брадобрития на казенных заводах Урала дает история, случившаяся в 1744 г. на отдаленном Лялинском заводе, расположенном почти в трехстах километрах к северу от Екатеринбурга. Подканцелярист местной заводской конторы Василий Пушкарев написал донос в КГЗП на управителя завода шихтмейстера Василия Томилова «в непорядочных поступках». Среди четырех пунктов обвинения Пушкарев сообщал, что почти все работники и служители завода, вопреки указам, ходят в русском платье и не бреют бород и усов (так!), а заводской управитель тому не препятствует и тем самым поступает «противу указов». Развернутое по доносу тщательное расследование показало, что местные власти стараются следовать указам, для чего на заводе даже назначен специальный надзиратель за внешним обликом земляков, плавильщик Митрофан Мальцев, а с лялинских портных взяты подписки о том, чтобы «кроме немецкого платья ничего русского и черкесского не шили». Тем не менее, признавал управитель, «немецкое» платье действительно носят не все, поскольку не могут сшить требуемую одежду «за скудостью и за дачю малого жалования». Впрочем, стремясь следовать указу, некоторые жители носят «резаное» русское платье (видимо, укороченное по европейскому образцу), но для тех, кто занят «в работе при огне» (при плавке меди) ни европейская одежда, ни ее русское подобие не годны, поскольку быстро изнашиваются, сгорают. Что же касается бритья бород и усов, то, по уверению Томилова и Мальцева (который, кстати, одежду европейского кроя носил), эта норма соблюдается³⁵. К сожалению, И. фон Баннер, проводивший следствие, не оставил собственных свидетельств о том, как же все-таки выглядели лялинцы. В дополнение к истории с «немецким» платьем можно добавить еще и то, что в некоторых паспортах, выдаваемых отставным заводским работникам во второй половине 1740-х – начале 1750-х гг., встречаются требования, чтобы после отставки они жили благопристойно, не чинили своевольств, насилия и обид, не просили милостыни, содержали себя в чистоте, а также носили «немецкое» платье и брили бороду³⁶.

Какие выводы можно сделать, опираясь на приведенные примеры? Во-первых, несомненно, контроль за внешним обликом заводских жителей являлся одним из приоритетов горных властей. Во-вторых, если даже на отдаленных от Екатеринбурга заводах в 1740–1750-х гг. начальство старалось следить за выполнением подобных предписаний, то в самом Екатеринбурге, особенно в 1720-е гг., когда был жив император, а его указы о брадобритии и «немецком» платье периодически им обновлялись, контроль за их исполнением мог быть еще строже. Поэтому, вполне возможно, что В. И. Геннин, приводивший в своих «Абрисах» изображения заводских работников в соответствующей одежде, действительности не приукрашивал. Наконец, совершенно очевидно, что «немецкое» платье и бритое лицо, помещенные в один ряд с опрятностью и благопристойностью, обретали в представлениях горнозаводской администрации ценностное значение и считались обязательной чертой благонамеренного дисциплинированного обывателя.

Во всех приведенных примерах социального дисциплинирования, практиковавшегося в раннем Екатеринбурге и на подчиненных ему заводах, видна доминирующая роль светской

³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 901. Л. 542–543. Занятно, что описание одежды Хрущева – «в бурлацком зипуне, в маленькой шапке и в ко́тах» – содержится в рапорте форстмейстера (надзирателя лесов) И. фон Баннера, избитого Хрущевым. При этом сам фон Баннер был одет в привычную ему одежду: камзол и кафтан (явно европейского кроя), которые Хрущев на нем «изодрал» вместе с рубашкой.

³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1031. Л. 241–309.

³⁶ Там же. Д. 1140. Л. 478; Д. 1310. Л. 28, 30 об., 35 об., 38, 39 и др. Надо заметить, что формуляр паспортов, выдаваемых в Екатеринбургском ведомстве, не отличался устойчивостью. Нам встречались по меньшей мере три формы паспортов, различных по структуре и содержанию, и не во всех из них прописано требование о ношении европейской одежды и брадобритии. Таким образом, эта разновидность источников еще нуждается в дополнительном изучении.

власти – ведомственной горнозаводской администрации, особенно ее первых лиц. Главными инструментами дисциплинирования в руках этой власти были принуждение и репрессии. Хотя издаваемые ею ограничительные и запрещающие нормативы не были лишены более или менее ярко выраженных морализаторских сентенций, их дидактическое воздействие имело не больший эффект, чем назидательные пассажи в указах самого царя. Призванные убедить подданных с помощью сухой рациональной логики, они не трогали душу и не несли подлинно воспитательной функции, поскольку не предполагали *практики* воспитания.

А как же церковь? Насколько была важна в этих процессах роль духовенства? Прежде всего следует заметить, что духовное окормление заводчан на протяжении всего исследуемого периода было затруднено крайним дефицитом кадров священно-церковнослужителей, содержание которых зависело от горнозаводской администрации и долго не имело сколько-нибудь оптимального решения. Первый священник, присланный в еще строящийся Екатеринбург в 1723 г., Иоанн Ефимов получал от горных властей какое-то жалованье, «как дается при полках... другим священникам»³⁷, но это было юридически сомнительное решение, действовавшее лишь до тех пор, пока на стройке находился значительный воинский контингент. Впоследствии, с 1730 (по другим источникам, с 1728 г.) по 1734 г. Сибирский обер-бергamt установил сбор на содержание клира и притча по 1 коп. с рубля жалованья, запретив при этом брать плату за отправления треб, чем хоть как-то могло перебиваться духовенство. Но этот сбор вызывал ропот мастеровых и работных людей и в итоге не нашел поддержки в Сенате³⁸. Церковные дела, в первую очередь кадровые и финансовые вопросы, постепенно всё больше подпадали под контроль отраслевой администрации (даже утверждение священников на должности при церквях на казенных заводах с 1735 г. оказалось во власти Канцелярии главного заводов правления, а местная богадельня – институция традиционно церковная, была построена на казенные деньги и содержалась на отчисления со штрафов, собираемых горным управлением), что породило затяжные конфликты между нею и сибирскими архиереями в 1740-х – начале 1750-х гг. Разумеется, всё это не могло благотворно сказываться на авторитете клира при горных заводах и не повышало его роли в процессе социального дисциплинирования. Сложное материальное положение духовенства не способствовало и тому, чтобы в Екатеринбург и на заводы ведомства попадали самые достойные его представители. Архивные дела предоставляют множество свидетельств о неблагоприятном поведении священников, уличаемых в пьянстве, рукоприкладстве и поборах с населения, что могло бы стать темой отдельного исследования.

Но и паства в Екатеринбурге не отличалась кротостью и благонравием. Проблема заключалась не в том, что в городе изначально концентрировались какие-то особенно нравственно испорченные люди, а в характере труда и быта, отчетливо контрастировавшего с традиционным, имевшим место в сельской местности и в старых провинциальных городах. Как уже отмечалось, специфика заводской работы и привязанной к ней канцелярской службы формировала крайне напряженный бюджет времени. В годовом цикле на воскресные и праздничные дни выпадало около 3-х месяцев – этого было слишком мало для организации сбалансированной частной жизни, если учесть, что значительная часть свободного времени неизбежно уходила на различные домашние дела. Потребности производства вынуждали отраслевое начальство даже отступать от иных норм общего законодательства, в частности от соблюдения правила укороченного рабочего дня по субботам, предусмотренного Уложением 1649 г. и гласившего об окончании «всякия работы и торговли» за три часа до вечера (гл. X, ст. 26). В 1734 г. группа «лучших» людей из мастеровых обратилась в Канцелярию с просьбой вернуть эту норму в практику заводского распорядка, мотивируя прошение необходимостью подготовки в субботний день к вечерней службе и «для исправления необходимых домашних нужд»³⁹. Как видим, даже вполне почтенные жители сочетали в своей просьбе как стремле-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2, 236, 266.

³⁸ Там же. Д. 328. Л. 178–210; Д. 331. Л. 587–588.

³⁹ Там же. Д. 532а. Л. 684–685.

ние к благочестию, так и желание выкроить лишний час для работ по дому⁴⁰. Стоит ли говорить, что многие екатеринбуржцы предпочитали тратить имевшееся свободное время не на воскресную литургию и даже не на домашние работы, а на нехитрые развлечения в виде пьянства и азартных игр. Такое положение дел приводило в негодование генерала Геннина, гневно писавшего о том, что «здесь мастеровые люди и некоторые приказные служители, забыв страх Божий, уклонились к безмерному проклятому пьянству, в ни во что обращающему человека, и не токмо чтоб в церковь к вечерне и заутрене ходить, но и к литургии мало ходят и более упражняются в самые те церковные службы и мольбы в пьянстве»⁴¹. В результате по его указу заводским управителям вменялось в обязанность принудительно водить подчиненных к воскресной службе, «незвизая ни на какие отговорки, и того б за ними смотрели накрепко, чтоб как до службы, так и ко времени оной пьян никто не был, а кто явитца пьян, таковых наказывать от Обер-бергамта... дабы тем удобнее было опровергнуть проклятое и Богу мерзкое пьянство»⁴². Но и в 1750-е гг. ситуация не сильно изменилась к лучшему, несмотря на дополнительное введение специальных штрафов за бесчинное поведение во время крестных ходов и церковных служб. Как видно из этого короткого обзора, роль церкви в социальном дисциплинировании жителей раннего Екатеринбурга была весьма скромна.

Традиционно ограниченный объем статьи вынуждает оставить за ее рамками еще много важного для полного раскрытия темы. Было бы целесообразным рассмотреть не только то, *как* реализовывалась практика социального дисциплинирования в раннем Екатеринбурге, но и *кто* ее реализовывал, кем были они, эти агенты дисциплинирования по своему воспитанию, воззрениям, собственному жизненному опыту и убеждениям. Было бы заманчивым, например, поискать в местных дисциплинарных процессах «протестантский след», учитывая, что В. И. Геннин был кальвинистом, В. Н. Татищев в разные годы проходил обучение и стажировки в Пруссии, Саксонии и Швеции, среди горных офицеров, занимавших различные руководящие должности в горнозаводской администрации в 1720–1734 гг., 71 чел. являлся выпускником столичных и зарубежных (Швеция) военно-учебных заведений [Цеменкова, Черноухов, 2022, с. 437–442], а корпус управителей и мастеров, находившихся в Екатеринбурге в эти же годы, включал в свой состав значительное по местным меркам число иностранцев, в подавляющем большинстве – лютеран. Отдельного исследования заслуживает анализ поведенческих характеристик офицеров и мастеров иностранного происхождения – картина окажется весьма отличной от стереотипно-ожидаемой. Наконец, важным, если не ключевым остается вопрос *о результатах* социального дисциплинирования, столь настойчиво и жестко проводившегося на протяжении нескольких десятилетий. Но, очевидно, всё это остается на дальнейшее.

Подводя же промежуточный итог, зафиксируем следующее. Пример раннего Екатеринбурга ясно показывает, в каких вариантах и формах могла проходить социальная дисциплинарзация без конфессионализации; как «полицейский пафос» (определение Г. Флоровского), свойственный Петровской эпохе, мотивировал элитные группы на жесткое дисциплинирование населения в условиях новой социальной реальности, формировавшейся в поселениях при крупных промышленных предприятиях. Картину социального дисциплинирования в Екатеринбурге при этом было бы, наверно, неправильно экстраполировать на всю Россию первой четверти XVIII в. Реконструированная в настоящей статье реальность могла бы, скорее, послужить своеобразным контрольным образцом, пригодным для компаративных исследований в рамках заявленной историографической проблемы.

---

⁴⁰ Их просьба была удовлетворена с оговорками: «правило субботнего дня» не распространялось на работавших в доменных и медеплавильных цехах и лишь отчасти касалось работников молотовых цехов в силу специфики производственного цикла.

⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 372. Л. 221.

⁴² Там же. Л. 221 об.

Список литературы

- Акельев Е. В.** Русский Мисопогон: Петр I, бранение и десять миллионов «москвитов». М.: НЛО, 2022. 624 с.
- Бошковска Н.** Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб.: Алетейя, 2014. 535 с.
- Громько М. М.** Мир русской деревни. М.: Мол. гвардия, 1991. 446 с.
- Дмитриев М. В.** От христианской антропологии восточнославянских православных культур XV–XVI вв. к «провалу» социальной дисциплинарности? // *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2022. Vol. 2, no. 2. P. 14–32.
- Живов В. М.** Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du Monde russe*. 2012. No. 53 (2–3). P. 349–374.
- Екатеринбург в 1733 году: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция [С. И. Цеменкова] // *Историко-географический журнал*. 2023. Т. 2, № 4. С. 94–97.
- Литошенко Д. А.** Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков. Университетский опыт образовательной метатрадиции на заре Нового времени. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 374 с.
- Лотман Ю. М.** Очерки по истории русской культуры XVII – начала XIX века // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 4. С. 13–348.
- Мартыненко Н. К.** Проституция в императорской России: от запрета к легализации // *Новый исторический вестник*. 2009. № 19. С. 30–37.
- Ролдугина И.** Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69.
- Редин Д. А.** Очарование «регулярства»: еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 2. «Российское имперское государство» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2021а. Вып. 75. С. 315–334.
- Редин Д. А.** Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения городского «текста» // *Quaestio Rossica*. 2021б. Т. 9, № 3. С. 1042–1063.
- Флоровский Г. В.** Петербургский переворот // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т. 4. С. 349–424.
- Цеменкова С. И., Черноухов А. В.** Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20–50-е гг. XVIII в. СПб.: Алетейя, 2022. 446 с.
- Brunet S.** Les prêtres des campagnes de la France du XVIIe siècle: la grande mutation // *Dix Septième Siècle*. 2007. No. 59 (234). P. 49–82.
- Buchholz W.** Anfänge der Sozialdisziplinierung im Mittelalter. Die Reichsstadt Nürnberg als Beispiel // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1991. Bd. 18. S. 129–147.
- Gorski Ph.** *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: Uni. of Chicago Press, 2003. 264 p.
- Oestreich G.** *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin: Duncker and Humblot, 1969. 355 S.
- Po-chia Hsia R.** *Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750*. London; New York: Routledge, 1989. 218 p.
- Shulze W.** Gerhard Oestreich Bergiff “Sozialdisziplinierung” in der frühen Neuzeit // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1987. Bd. 14. S. 265–302.
- Weber M.** *Disziplinierung und Widerstand. Obrigkeit und Bauern in Schlesien 1500–1700 // Guts-herrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneu-zeitlicher Agrargesellschaften*. Beiheft 18. München, 1995. S. 419–438.
- Winkelbauer Th.** *Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung durch Grundherren in den öster-reichischen und böhmischen Ländern im 16. und 17. Jahrhundert // Zeitschrift für historische Forschung*. 1992. Bd. 19. S. 317–339.

Список источников

- Княжеские уставы и уставные грамоты // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 133–298.
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 6. 817 с.
- Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. 436 с.

References

- Akeliev E. V.** Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov “moskovitov” [Russian Mesopogon: Peter I, the Beard-shaven and Ten Million “Muscovites”]. Moscow, NLO Publ., 2022, 624 p. (in Russ.)
- Boshkovska N.** Mir russkoi zhenshchiny semnadtsatogo stoletiya [The World of Russian Women of the Seventeenth Century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, 535 p. (in Russ.)
- Brunet S.** Les prêtres des campagnes de la France du XVIIe siècle: la grande mutation. *Dix Septième Siècle*, 2007, no. 59 (234), pp. 49–82.
- Buchholz W.** Anfänge der Sozialdisziplinierung im Mittelalter. Die Reichsstadt Nürnberg als Beispiel. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1991, Bd. 18, S. 129–147.
- Dmitriev M. V.** Ot khristianskoi antropologii vostochnoslavvianskikh pravoslavnykh kul'tur XV–XVI vv. k “provalu” sotsial'noi distsiplinarizatsii? [From Christian Anthropology of East Slavic Orthodox Cultures of the 15th – 16th Centuries to the “Failure” of Social Disciplinarization?]. *Chinese Journal of Slavic Studies*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 14–32. (in Russ.)
- Ekaterinburg v 1733 godu: istoriko-antropologicheskaya i arkhitekturno-prostranstvennaya rekonstruktsiya (S. I. Tsemenkova) [Yekaterinburg in 1733: Historical-anthropological and Architectural-spatial Reconstruction]. *Istoriko-geograficheskii zhurnal [Historical-Geographical Journal]*, 2023, vol. 2, no. 4, pp. 94–97. (in Russ.)
- Florovsky G. V.** Peterburgskii perevorot [The St. Petersburg Revolt]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury [From the History of the Russian Culture]*. Moscow, 2000, vol. 4, p. 349–424. (in Russ.)
- Gorski Ph.** The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2003, 264 p.
- Gromyko M. M.** Mir russkoi derevni [The World of the Russian Village]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, 446 p. (in Russ.)
- Litoshenko D. A.** Evolyutsiya universitetskogo obrazovaniya v Evrope XVI – kontsa XVIII vekov. Universitetskii opyt obrazovatel'noi metatraditsii na zare Novogo vremeni [The Evolution of University Education in Europe of the 16th – Late 18th Century. University Experience of Educational Meta-tradition at the Dawn of Modern Times]. Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2012, 374 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVII – nachala XIX veka [Essays on the History of Russian Culture of the 17th – Early 19th Centuries]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury [From the History of the Russian Culture]*. Moscow, 2000, vol. 4, p. 13–348. (in Russ.)
- Martynenko N. K.** Prostitutsiya v imperatorskoi Rossii: ot zapreta k legalizatsii [Prostitution in Imperial Russia: From Prohibition to Legalization]. *Novyi istoricheskii vestnik [The New Historical Herald]*, 2009, no. 19, pp. 30–37. (in Russ.)
- Oestreich G.** Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, Duncker and Humblot, 1969, 355 S.
- Po-chia Hsia R.** Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750. London, New York, Routledge, 1989, 218 p.
- Redin D. A.** Ocharovanie “regulyarstva”: eshche raz o “mental'nom gosudarstve” Petra Velikogo. Chast' 2. “Rossiiskoe imperskoe gosudarstvo” [The Charm of “Regularity”: Once Again About the “Mental State” of Peter the Great. Pt. 2. “The Russian Imperial State”]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2021, iss. 75, p. 315–334. (in Russ.)

- Redin D. A.** Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya gorodskogo “teksta” [General Hennind’s Yekaterinburg: An Attempt at Reading the “Urban Text”]. *Quaestio Rossica*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 1042–1063. (in Russ.)
- Roldugina I.** Otkrytie seksual’nosti. Transgressiya sotsial’noi stikhii v seredine XVIII v. v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoi komissii (1750–1759) [The Discovery of Sexuality. Transgression of Social Elements in the mid-18th Century in St. Petersburg: Based on Materials from the Kalinkin Commission (1750–1759)]. *Ab Imperio*, 2016, no. 2, pp. 29–69. (in Russ.)
- Shulze W.** Gerhard Ostrreich Bergiff “Sozialdisziplinierung” in der frühen Neuzeit. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1987, Bd. 14, S. 265–302.
- Tsemenkova S. I., Chernoukhov A. V.** Rukovoditeli apparata gornozavodskoi vlasti Urala v 20–50-e gg. XVIII v. [Heads of the Apparatus of the Mining and Metallurgical Authorities of the Urals in the 20s – 50s of the 18th Century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2022, 446 p. (in Russ.)
- Weber M.** Disziplinierung und Widerstand. Obrigkeit und Bauern in Schlesien 1500–1700. In: Gutsherrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneuzeitlicher Agrargesellschaften. Beiheft 18. Munich, 1995, S. 419–438.
- Winkelbauer Th.** Sozialdisziplinierung und Konfessionalisierung durch Grundherren in den österreichischen und böhmischen Ländern im 16. und 17. Jahrhundert. *Zeitschrift für historische Forschung*, 1992, Bd. 19, S. 317–339.
- Zhivov V. M.** Dva etapa distsiplinarnoi revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya [Two Stages of the Disciplinary Revolution in Russia in the 17th and 18th Centuries]. *Cahiers du Monde russe*, 2012, no. 53 (2–3), pp. 349–374. (in Russ.)

List of Sources

- Knyazheskie ustavy i ustavnye gramoty [Princely Statutes and Charters]. In: Rossiiskoe zakonodatel’stvo X–XX vekov [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Moscow, 1984, vol. 1, pp. 133–298. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 6, 817 p. (in Russ.)
- Tatishchev V. N.** Zapiski. Pis’ma, 1717–1750 gg. [Notes. Letters, 1717–1750]. Moscow, Nauka, 1990, 436 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Дмитрий Алексеевич Редин**, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 55838143300
WoS Researcher ID AA0-2947-2020
- Сардаана Николаевна Копырина**, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID DQ-8133-2017

Information about the Authors

- Dmitry A. Redin**, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 55838143300
WoS Researcher ID AA0-2947-2020
- Sardaana N. Kopyrina**, Candidate of Sciences (History)
WoS Researcher ID DQ-8133-2017

Статья поступила в редакцию 04.10.2024;
одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 24.10.2024
The article was submitted on 04.10.2024;
approved after reviewing on 14.10.2024; accepted for publication on 24.10.2024